

SUMMARIES

The present double issue of the series of monographs on national minorities in Poland is dedicated to Jewish culture. Before World War II the Jews with their 3 million inhabitants constituted about 10% of the Polish society. It is from Poland that come almost half of the Jewish families now living mainly in the USA and Israel. It is also in Poland that 5 to 6 million Jews from Poland, Greece, Germany, Holland and other countries were murdered in the holocaust. We now observe in our country a great interest in Jewish culture, also among ethnographers. Although educated in Hebrew and Jidish, they find it extremely difficult to restore the image of the past due to atrocious devastation of the sources and remains of material and spiritual culture. Our quarterly would like to contribute to the effort of all those institutions and individuals who try to preserve and evoke the memories of the culture that for centuries coexisted with Polish culture in villages, towns, and cities.

We publish excisions from Abraham Joshua Heschel's book **THE EARTH IS THE LORD'S. THE INNER WORLD OF THE JEW IN EAST EUROPE** in order to present Jewish culture, faith, philosophy, and system of values to all those our readers who are less familiar with the problem. Similar was the reason for publishing Maciej Krupa's review of the album on the rites and customs of the Jews presently living in Hungary. In Olga Goldberg-Mulkiewicz's review of the book on the world Jewish cuttings written by Giza Frankel from Haifa, we include characteristic forms of cuttings connected with various feasts and customs. Olga Goldberg-Mulkiewicz dedicates an obituary to Giza Frankel, an ethnographer working and living in Israel after World War II, who contributed to the studies on the culture of Polish Jews. G. Frankel's article on Jewish cuttings in Poland was published in our quarterly in 1965 (no 3).

Konstanty Gebert in the article... **SO THAT THE PLOUGH DOESN'T BREAK. ROMARKS ON JEWISH DEMONOLOGY** presents in a concise way Jewish demonology starting from the classical works: the Old Testament, Talmud, cabalistic writings, to conclude in the definite practical demonology.

Zbigniew Targielski — **DANCE AND MUSIC AS THE EXPRESSION OF CHASSIDISM**

Targielski reconstructs the spiritual climate that coincided with the appearance of chassidism in Poland, a new religious-mystic movement. It attributed great significance to prayer considering it one of the essential spiritual acts and the only way to God. Extasis that can be attained through prayer leads to mystic unity with God. The adoration of God was revealed in such elementary forms as singing and dancing, hence their importance for the movement. The borderline between sacral and lay music disappeared, for holiness reaches to the every day's life reality. The words are of secondary importance, occasionally meaningless. It is melody that gains the priority, since together with dance it leads to mystic ecstasy.

Jacek Olędzki — **KVITLEHS FROM LEŽAJSK. THE QUESTION OF SUPPLICATION AND THANKSGIVING IN CHASSIDIC AND CATHOLIC VOTIVE CULTS**

Olędzki, an author dealing with votive cults in Poland, analyzes similarities and differences between the votives offered by the Poles and Jews; he bases himself on kvitlehs (requests found in ohel — the tomb of the zaddick-wonderworker, Noam Elimelech (1717 — 1787) in Leżajsk. Leżajsk was pilgrimed by both Poles and Jews, the first coming to the miraculous picture of Our Lady of Leżajsk,

the latter coming to the tomb of the zaddick one of the creators of the chassidism. Olędzki analyzes form and contents of about 70 kvitlehs, mainly in Jidish, and coming from the hasidim from Poland and abroad (Western Europe, the USA, Israel). They used to visit Elimelech's ohel since 1960's till the begining of 1970's. The author gives various ethic and research reasons that justify his breaking the privacy of the kvitlehs. He also stresses poetical and literary qualities of the chassidic confessions (expression). The discussed letters are characterized by the requesting attitude of the faithful (request), and never by the propiatory (begging) one. Bearing in mind the lack of thanksgiving and oaths, we observe that the character of the cult is precisely defined by this requesting attitude. Uniform to a far greater extent than in Catholic sanctuaries the attitude of the faithful is characterized by sincere, straight-forward act of trustfulness and faith, all imbued with crude obligation to be — exist in good health, material prosperity, surrounded by the off-springs, and with full readiness to know and follow the principles of the tora. The contents of the letters is not dominated by the thanksgiving concretism (dominant in Catholic votives) and cannot be connected with the stereotype of self-interest as distinct from „selfless” thanksgiving attitude of the Catholics. As seen in the result of previous research (Andree 1900, van Gennep 1910, Kriss 1930, Olędzki 1960) in some rural and urban communities in Europe, also partially among the nobility, the „utilitarian”, sincere, and straight-forward attitude devoid of any thanksgiving hypocrisy was in the period between the 17th and 20th century unique and exceptional. Therefore, the greatest values of the coexistence between the Poles and Jews and not revealing any deep antagonisms were to be found first of all in the country or in some towns of Eastern territories, such as Lvov, Przemyśl, Leżajsk, where no excessive thanksgiving tonality was developed, but rather the begging one, like among the hasidim.

Olędzki decides that the comparison can be transferred to a vaster background of evaluation systems and social values developed in Europe as the result of the professed religious dogmas. And in that case one should speak on the one hand of votive cults in Roman Catholicism and similar practices (eg. chassidic kvitlehs), and on the other of a total negation of such attitudes among the followers of the Protestant, Orthodox, and Greek-Catholic churches. And it is in this general outlook permitting people address God with their requests and thanksgiving (through pictures and in writing) that the author discerns the cause for religious animosities. They are deeper in Protestant religions.

Monika Krajewska in her two articles **JEWISH CEMETERIES IN POLAND: TOMBS AND EPITAPHS and SYMBOLISM OF RELIEFS IN JEWISH CEMETERIES IN POLAND** discusses the problem of Jewish cemeteries. They were largely destroyed during the war. Hardly cared for after World War II they underwent further decay. The pre-war research concerned only cemeteries in bigger cities. The today's attempt to restore their complete image is but saving the remnants. In the years 1974—86 the author investigated 102 cemeteries. Although the articles concern Polish territories for comparative reasons some information about foreign examples are also presented. She distinguishes three types of the tomb: mozeva, sarcophagus-like, ohel; however she herself sees this distinction as an imperfect approximation. Both the inscriptions and reliefs in Jewish cemeteries are closely connected with the religious culture of the Jews, although some Christian influences can also be traced. When analyzing the inscriptions, Krajewska points out to their artistic form, ie. graphic character of letters, which permits to weave Hebrew letters in the motifs of reliefs. She also emphasises analogies between epitaphs and reliefs (a list of recurring relief motifs and inscriptions is included). Easily observed is the

stereotype character of the epitaphs. The author discusses in detail the contents and clichés in the inscriptions. She stresses the use of significant words to cipher, for example, the date of death; this is possible in view of the numerical qualities of Hebrew letters, which often obscures the inscription.

The second article concentrates on the motifs of tomb reliefs. This art was greatly limited by the prohibition of presenting human figures, which was not always strictly observed. When discussing particular motifs the author concentrates mainly on the symbolic meaning connected with the dead, his origin, religious function, and individual features. Krajewska presents common motifs, their possible sources, and suggests their interpretation. She stresses the difficulty with interpreting many motifs, eg. some animals may be connected with the first name or less often the surname of the dead, they may symbolize the date of death (zodiak animals), and have other symbolic meaning connected with the defunct, they may also be mere copies, since we observe here frequent stereotypes, similarly to epitaphs.

The articles are completed by Stanisław Krajewski's translation of some Hebrew epitaphs from Jewish cemeteries in Poland including the oldest one (1203) found in Wrocław.

Andrzej Trzciński — TOMB-STONE POLICHROMIES ON JEWISH CEMETERIES IN SOUTH-EASTERN POLAND

The author discusses tomb-stone polichromies on Jewish cemeteries on the example of 18 burial grounds he has examined. In spite of the fact that the tomb-stones are often not well preserved, Trzciński was able to generalize some correlations in the colouring of particular elements of the tomb structure, that is the shape of letters, background, and ornamental motifs in low relief. Not only does he present the general technological rules of making polichromies but also tries to justify the application of particular colours on the basis of the colour symbolism in Jewish religion.

Maria and Kazimierz Piechotkowie — POLICHROMIES OF POLISH WOODEN SYNAGOGUES

The custom to paint synagogue interior was characteristic exclusively of Poland. If occurring elsewhere (eg. South Germany) it testifies to the migration of the Polish Jews. Decorative art developed in Polish synagogues due to an exceptional position of the Jews in Poland and the authority of rabbies in the 16th and 17th centuries. Whereas in Western Europe, the Haskala, together with its protestant associations, contributed greatly to rationalizing the cult. The authors discuss the design of the synagogue interiors and decorations of particular synagogues pointing out to their motifs, sources, and symbolic meanings. They also analyze the impact Jewish painting was prone to (eg. paintings in Polish wooden churches, illusionism, etc.). They signal that the discussed objects are just remnants of the phenomenon the extent of which is difficult to judge on the grounds of very scarce records.

Andrzej Trzciński — „YOU SHALL DWELL IN BOOTHS FOR SEVEN DAYS...” (LEV. 23. 42)

In Tyczyn (Rzeszów voivodship) in the attic of one of the houses at the market square (built in 1912) a room designed as a sukka (hut, tent) has been found, the room having been used on the Feast of Sukkot (Feast of Tabernacles). The room had a mobile roof and wooden floor. Water painting have been preserved on two walls. All the scenes, ie. floral motifs, a crown, lion, people, are considered by Trzciński, somewhat hypothetically, to derive from the Biblical tradition. The author regards the Tyczyn discovery as the most valuable among the rare examples of this kind in Poland.

Ludwik Stomma — THE IMAGE OF THE JEW IN THE STRUCTURE OF POLISH PEASANT MYTHS

The author proves that the image of the Jew in Polish folk culture

is mostly based on myths, only slightly determined by class or economic factors. This is proven by the structural affinity between tales of Christ's death and the so-called „ritual murders” as well as the tales repeating the scheme and referring to the matters completely foreign to the Polish countryside (participation of the Jews in the plot against the passengers of the Titanic). This is also confirmed by the identical distribution of Jewish motifs in Poland, repeated even by young, post-war generation which had no contacts with the Jews.

Władysław T. Bartoszewski — RELATIONS BETWEEN THE PEASANTS AND THE JEWS

In the interwar periods Poland closely followed the USA in the number of Jewish population. More than half of the Polish Jews lived in villages or small towns. Thus it is only natural that the relations between the peasants and the Jews were close and a figure of the Jew was often present in folklore (Herods, weddings).

Bartoszewski argues that the image of the Jew in folklore was ambiguous and two types can be distinguished: that of „our” Jew and „Jew-stranger” (the one with whom there are no relations and who usually comes from a distant big town). „Jew-stranger” is a figure estimated negatively, whereas „our Jew” is usually to be found on the border-line between familiarity and strangeness, and is fully accepted by the rural community.

It is also noteworthy that the author profits from the materials that so far have not been used by ethnographers, ie. *yizker bikher* (*Books of Memory*) written by the Jews who have survived the holocaust.

The following articles deal with every-days relations between the Poles and the Jews. Tomasz Gajda, a peasant from Dębska Wola (the voivodship of Kielce) wrote: THE JEWS IN MY AND NEIGHBOURING VILLAGES IN THE YEARS 1918 — 1945. A DIARY. Dorota Pacewicz and Krzysztof Sabak talked to one of the most outstanding contemporary sculptors, Adam Zegadło from the village of Krzyżka (WITH ADAM ZEGADŁO AND HIS WIFE ON THE JEWS).

Alicja Małeta — THE JEWS FROM CZUDEC IN THE MEMORY OF OTHER INHABITANTS

The article results from the research carried out in Czudec in 1986, where in the interwar period the Jews constituted half of the population. The author presents people's opinions on the local Jews, comparisons between Jewish and Polish craftsmanship and trade, as well as what is remembered about the Jews, ie. the prohibitions and rules connected with various spheres of their life, rites, and feasts. The article concludes with the information about the holocaust of the Jews.

Olga Goldberg-Mulkiewicz — THE MUTUAL PENETRATION OF FOLK ELEMENTS BETWEEN POLISH AND JEWISH COMMUNITIES

According to the author, the works dealing with the Polish-Jewish relationship, though limited mainly to the relation: one's own — alien and economic contacts, overestimate the isolation of both societies. These relationships must have been significant and concerned numerous spheres of life. For instance, Jewish craftsmen used to make small crosses, sold however by non-Jewish traders. When building a house, some rites are known to have been observed. Were they observed when a Christian house was built by Jewish craftsmen? — asks the author. Although drawing particular motifs from the whole of the ornament is somewhat risky, Olga Goldberg-Mulkiewicz describes some motifs applied in cuttings and carpentry where mutual derivations of motifs are unquestionable. This leads her to conclude that the contacts between the two communities were multifarious.

Ewa Fryś-Pietraszkowa — PARTICIPATION OF JEWISH CRAFTSMEN IN RURAL CULTURE

The materials concerning the participation of Jewish craftsmen in rural culture come from the Archives of the Documentation of Folk Art (Cracow division of the Institute of Art of the Polish Academy of Sciences). The research carried out in the years 1952—86 in Eastern part of Poland concentrated on the craftsmanship which provided for the needs of the countryside. The majority of the materials prove the significant role of the Jewish craftsmanship in the supplies for the rural market.

• Maria Fiderkiewicz — IMAGE OF THE JEWS IN FOLK-LORE OF THE ŹYWIEC BESKID MOUNTAINS

Fiderkiewicz deals with the figure of the Jew and his image in folklore reflected in ritual groups of the „Beggars” and „Noblemen” from the Źwierciec Beskid Mountains. She traces the changes in the figure of the Jew, his appearance, language, and the change of the stereotype of the Jew over the period when the every-day's contacts between the Poles and Jews had ceased. The research carried out in 1985 enabled the author to reconstruct the rite going back to 1920's.

Maciej Krupa — FIDDLER ON THE ROOF, THAT IS THE UNIVERSAL JEW

The present research concerned the image of the Jew among primary school-children. It consisted in two elements: artistic representations and the poll carried out among children requested to describe and present sources of information about the Jews. The

given images point out to scarcity of information, mostly stereotypical, about the Jews, influenced by the film *Fiddler on the Roof* shown recently in Polish tv.

Bogdanna Pilichowska — CRACOW CHURCH FAIR TOYS PRESENTING THE JEWS

Wooden figures of the Jews were sold at three Cracow church fairs: at Emaus on Eastern Monday, at Rękawka on the first Tuesday after Easter, and at Skałka on May 8th (feast day of St. Stanislaus). The best known is the Emaus fair. It has been held in the very same place for at least 400 years, i.e. at the foot of St. Salvator's church and the Norbertine nunnery. Ethnographers maintain that ever since the second half of the 19th century it has been the greatest toy market in Poland. We do not know when the first figures of the Jews appeared at the fair. The oldest information dates back to 1874. The figures were produced mainly by the masons from Zwierzyniec and Podgórze. Placed often on wooden stands they presented adult males in different poses (e.g. with Hebrew text in hand) and were denominated accordingly as praying, singing, reading Jews; they also used to hold a musical instrument (harp, double-bass, dulcimer), or to have a bird sitting on the hand or perch, as well as a dog, also fixed to the stand. There were figures without any ornaments. They were all dressed in a traditional Jewish costume, painted or made of cloth decorated with real fur which was also used to make a hat. When touched, the figures swayed thanks to wire springs in their legs. Popular were also figures of Jews on moving swings. After World War II they disappeared from the fairs for many years, and reappeared at Emaus in 1977.

РЕЗЮМЕ

Из цикла монографических сборников, посвященных тематике национальных меньшинств, живущих на территории Польши, нынешний, двойной номер мы посвящаем еврейской культуре. До войны евреи составляли около 10% польского общества (3 миллиона). Из Польши происходит почти половина еврейских семей, живущих в настоящее время — прежде всего в Соединенных Штатах и Израиле. На польских землях было уничтожено 5—6 миллионов евреев из Польши, Греции, Германии, Голландии и других стран. В настоящее время в Польше возрос интерес к еврейской культуре, а что для нас важно — также среди этнографов. Их усилия воссоздать картину прошлого, которым сопутствует изучение древнееврейского языка и идиш, весьма затрудняет невероятное опустошение источников, следов материальной и духовной культуры. Редакция желает этим номером включиться в круг учреждений и лиц, которые пытаются сохранить и воссоздать память о культуре, которая в течение сотен лет сосуществовала с польской культурой в деревнях, городах и mestechках.

Перепечатывая фрагменты книги А. Хершела ЗЕМЛЯ-БОЖЬЯ. ДУХОВНЫЙ МИР ЕВРЕЕВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, мы имеем в виду читателей, не ориентирующихся в проблемах еврейской культуры, характере веры, философии и ценностной системе. Подобную цель преследует публикация рецензии Мацея Крупы, посвященная иллюстрированной книге-альбому о обрядах и обычаях евреев, живущих в настоящее время в Венгрии. Публикуем также рецензию Ольги Гольдберг-Мулькевич на тему книги о еврейских вырезках, написанную Гизой Франкель из Хайфы, иллюстрируя наш текст взятыми из книги характерными формами вырезок, связанных с праздниками и обрядами. Автору этой книги, этнографу, сделавшей многое для изучения также культуры польских евреев, после войны поселившейся и работавшей в Израиле, посвящены посмертные воспоминания Ольги Гольдберг-Мулькевич. Гиза Франкель опубликовала, в частности, в нашей журнале статью о еврейских вырезках на территории Польши.

Константы Геберт в статье ...ЛИШЬ БЫ ПЛУГ НЕ СЛОМАЛСЯ... ЗАМЕЧАНИЯ О ЕВРЕЙСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ дает ее краткий очерк, начиная с классических источников, таких как Ветхий Завет, Талмуд, кабалистические книги, кончая на исторически подтвержденной практической демонологии.

Збигнев Таргельский — ТАНЕЦ И МУЗЫКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ХАСИДСКОЙ МЫСЛИ

Автор реконструирует духовный климат, сопутствующий нарождению на польской территории нового религиозно-мистического течения-хасидизма. Его сторонники считали, что одним из самых важных духовных актов является молитва как единственный путь к Богу. Религиозный экстаз был для них возможностью единения с Богом, а поклонение ему могло проявляться в так элементарных формах как пение и танец — отсюда их такое значение для приверженцев хасидизма.

Яцек Олендзкий — КВИТЛЕХИ ИЗ ЛЕЖАЙСКА. ПРОБЛЕМА ПРОСЬБЫ И БЛАГОДАРНОСТИ В ХАСИДСКИХ И КАТОЛИЧЕСКИХ ВОТИВНЫХ КУЛЬТАХ

Автор, занимающийся долгие годы изучением вотивных культов в Польше, анализирует сходства и различия между вотивными предметами, жертвовавшимися польским и еврейским населением, принимая во внимание квилхехи (просьбы), найденные в гробнице цадика-чудотворца Ноама Элимелеха (1717—1787) в Лежайске. Лежайск был местом паломничества поляков и евреев. Целью первых был чудотворный образ Лежайской Богоматери, вторых — могила цадика, одного из основателей хасидизма. Предметом анализа автора является форма и содержание около 70 квилхехов, написанных главным образом на языке идиш, пронадлежавших приверженцам хасидизма из Польши и из заграницы (Западная Европа, США, Израиль), которые навещали могилу Элимелеха начиная с сере-

дини шестидесятых годов до семидесятых годов нашего столетия. Автор приводит причины этической и исследовательской натуры, которые оправдывают в его собственной совести необходимость нарушения границы интимности, границы личного, запечатленного в квилехах, попавших в его руки. Подчеркивает также поэтическо-литературную ценность хасидских признаний (в смысле: высказываний). Обращает внимание, что все рассматриваемые им квилехи обединяют факт, что они содержат просьбы верующих, хо никогда мольбы — при отсутствии благодарствий и присяг этот факт необычайно точно определяет характер интересующего нас культа. Одноковая (и тем самым отличная от католических) позиция верующих характеризуется искренним, непосредственным актом доверия и веры. Лишенное благодарственной конкретизации (доминирующей в вотивных предметах католиков) содержание квилехов не может связываться со стереотипом корыстолюбия в отличие от „бескорыстной“ позиции благодарственной позиции католиков. Как показали более ранние исследования (Андреев 1900, ван Генепп 1910, Крисс 1930, Олэндзкий 1960) в некоторых крестьянских, как и городских обществах Европы, а частично и в шляхетском обществе искренняя и непосредственная позиция, не завуалированная своего рода благодарственным лицемерием, принадлежала в период XVII—XX веков к единственным! Поэтому вероятно наиболее глубокие ценности в отношениях между поляками и евреями, лишенные острых антагонизмов, вырабатывались именно в деревнях и в некоторых городах восточных районов Польши, таких как Львов, Пшемысль, Лежайск, где не было чрезмерной благодарственной артикуляции, а только тот вид просьб, который был характерен для хасидов.

В двух статьях ЕВРЕЙСКИЕ КЛАДБИЩА В ПОЛЬШЕ И ИХ НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ, а также СИМВОЛИКА БАРЕЛЬЕФОВ НА ЕВРЕЙСКИХ КЛАДБИЩАХ В ПОЛЬШЕ Моника Краевска занимается тематикой еврейских кладбищ. Во время войны значительная часть этих кладбищ была уничтожена. После войны — практически заброшенные — подвергались дальнейшему процессу разрушения. Довоенные исследования затронули только проблему кладбищ в больших городах. Нынешние попытки их более полной документации это всего лишь спасение остатков. В 1974—1986 годах автор обследовала 102 кладбища. Хотя статья посвящена кладбищам, находящимся на территории Польши, автор часто проводит в качестве сравнительного материала и другие объекты. Она выделяет три главных типа нагробий: мазеева, нагробные типа саркофага, охель. Автор оговаривается при этом, что такая систематизация далека от совершенства, и не включает спорадически встречающихся иных типов. Как надписи, так и барельефы на еврейских кладбищах, имеют тесную связь с религиозной культурой евреев, что не означает отсутствия среди встречающихся мотивов воздействий христианской культуры. Рассматривая надписи, автор обращает внимание на их художественную сторону (графичность букв), которая дает возможность часто вплетать древнееврейские буквы в мотивы барельефов. Обращает внимание также на факт сильной связи между эпиграфами и барельефами (приведены примеры частых барельефных мотивов с помещенными на них надписями). Легко заметить можно стереотипизацию эпиграфов. Автор подробно рассматривает структуры, содержание и характерные обороты, встречающиеся в надписях.

Во второй статье автор концентрирует свое внимание на анализе мотивов надгробных барельефов. На это искусство значительное влияние оказал запрет изображения человеческих фигур, хотя многочисленные примеры показывают попытку обойти этот запрет. Рассматривая отдельные мотивы автор сосредоточивается на их символическом значении, имеющим отношение к умершему, его происхождению, религиозной функции, индивидуальным чертам. Обращает внимание на повсеместность мотивов, на их возможные источники, делает попытку их интерпретации. Подчеркивает на трудности в инте-

рпретации многих мотивов; так например, некоторые животные могут иметь связь с именем или фамилией умершего (редко), могут символизировать дату смерти (животные — знаки Зодиака), могут иметь иное символическое значение, связанное с умершим или же быть обыкновенным свидетельством копирования (так, как в случае эпиграфов, наблюдается значительная стереотипизация мотивов).

Приложением к статье является сделанный Станиславом Краевским перевод избранных древнееврейских эпиграфов, встречающихся на еврейских кладбищах в Польше, в том числе старейшей, обнаруженной во Вроцлаве и относящейся к 1203 году.

Анджей Тщциньский — ПОЛИХРОМНАЯ РОСПИСЬ НАДГРОБИЙ НА ЕВРЕЙСКИХ КЛАДБИЩАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ

Автор занимается полихромной росписью еврейских надгробий на базе 18 обследованных им кладбищ. Хотя состояние этих надгробий преимущественно плохое, они дают возможность воссоздать характер окраски отдельных элементов: шрифта, фона, а также декоративных мотивов барельефов. Автор анализирует технологические принципы росписей, а также делает попытку, на основе символики цветов в еврейской религии, выяснить использование тех, а не иных красок.

Мария и Казимеж Пехотка — ПОЛИХРОМНЫЕ РОСПИСИ ДЕРЕВЯННЫХ СИНАГОГ

Росписи синагог это явление, характерное только для польских территорий. Те, которые можно встретить, например, в южной Германии, являются следами миграции польских евреев. На развитие декора синагог имела несомненно особое влияние ситуация евреев в Польше и авторитет раввинов в XVI и XVII веках, когда в Западной Европе „Haskala“ с её протестантскими связями значительно воздействовала на рационализацию культа. Авторы пишут о планировке интерьеров синагог, о декоре отдельных еврейских храмов, представляя встречающиеся там мотивы, их источники и символические значения. Авторы обращают внимание также на разнообразные влияния, которым подвергалось украшение синагог — росписей польских деревянных костелов, иллюзионизма и т.д. Авторы подчеркивают, что описанные ими объекты это всего лишь след явления, о масштабе которого нельзя говорить сейчас по причине очень скромной сохранившейся документации.

Анджей Тщциньский — „В КУЩАХ ЖИВИТЕ СЕМЬ ДНЕЙ“ (ТРЕТЬЯ КНИГА МОИСЕЕВА, 23, 42)

В Тычине (Жешувское воеводство) в одном из домов на рыночной площади, построенном в 1912 году, открыто на чердаке помещение, запроектированное как сукка (шалаш, матер, куша), служившее во время Праздника Кущей. Оно было снабжено подвижной крышей, пол был деревянный. На двух стенах сохранилась роспись выполненная водяными красками. Все стены — растительные мотивы, корона, лев, люди — автор интерпретирует, иногда гипотетически, как имеющие свой источник в библейской традиции. Автор считает, что среди редких в Польше такого рода памятников находка в Тычине принадлежит к самым ценным.

Людвик Стомма — ОБРАЗ ЕВРЕЯ В СТРУКТУРЕ ПОЛЬСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ МИФОВ

Автор доказывает, что образ еврея в польской народной культуре носит прежде всего мифическую подоплеку и в незначительной степени — если вообще — обусловлен классовыми или экономическими осложнениями. Об этом свидетельствует, в частности, структурное родство оповестей о смерти Христа и о так называемых „ритуальных убийст-

вах", а также повествований, повторяющих эту схему, касающихся тем, совершило чужих польской деревне (участие евреев в заговоре против пассажиров „Титаника" и т. д.). Подтверждением является также однородность — независимо от количества европейской народности — европейских мотивов на территории Польши, живущих и среди представителей молодого поколения, которые практически не имели контакта с евреями.

Владислав Т. Бартошевский — КРЕСТЬЯНСКО-ЕВРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В период межвоенного двадцатилетия скопление евреев в Польше занимало второе место после США. Более половины евреев, населявших Польшу, жило в деревнях и mestechkach. И поэтому нет ничего странного в том, что крестьянско-еврейские контакты были прочными, а образ еврея часто можно было встретить в фольклоре (Ироды, свадьбы).

Автор обращает внимание, что образ еврея в фольклоре не был однозначным, что можно различить два вида этого образа: еврея „своего" и еврея „чужого" (еврея, с которым не поддерживали отношений, живущего в далеком большом городе). „Чужой" еврей был лицом, к которому относились совершенно отрицательно, зато „свой" был чем-то промежуточным между близким и не совсем близким, а во всяком случае признаваемым деревенским обществом.

Статья заслуживает внимания еще и потому, что её автор использует до сих пор почти не принимавшиеся этнографами источники — написанные оставшимися при жизни после войны евреями „Книги памяти" (Yizker bikhher).

Статья Томаша Гайды, крестьянина из деревни Домбска Воля (Келецкое воеводство), а также беседа с одним из наиболее выдающихся современных народных скульпторов АДАМОМ ЗЕГАДЛОЙ из деревни Кшижка (Келецкое воеводство), которую провели с ним Дорота Пацевич и Кшиштоф Сабак, касаются ежедневных контактов в деревенских центрах между поляками и евреями.

Алициа Малета — ЧУДЕЦКИЕ ЕВРЕИ В ПАМЯТИ СВОИХ СОЖИТЕЛЕЙ

Статья базируется на исследованиях, проведенных в 1986 году в mestechke Чудец, где в период межвоенного двадцатилетия около половины насчитывавшего полторы тысячи населения составляли евреи.

В своей статье автор цитирует высказывания местных жителей на тему чудецких евреев, сравнивает еврейское и польское ремесло и торговлю, а также пишет о запретах и заповедях, обязывавших евреев, связанных с разными сферами их жизни, обрядами и праздниками. В конце статьи автор приводит данные о уничтожении евреев во время войны.

Ольга Гольдберг-Мулькевич — ПРОНИКОВЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА МЕЖДУ ПОЛЬСКИМИ И ЕВРЕЙСКИМИ ОБЩЕСТВАМИ

Немногочисленные работы, затрагивающие проблему польско-еврейских отношений (они ограничиваются прежде всего корреляцией „свой-чужой", а также контактами экономического толка), по мнению автора слишком преувеличивают изоляцию этих обществ. Связи между обоями группами должны были быть значительными, причем в разных областях жизни — европейские ремесленники делали даже крестики, продававшиеся в то время нееврейскими торговцами. Как известно, во время строительства дома соблюдалось много обрядов — соблюдались ли они, когда европейские ремесленники возводили дом для христианина? — задает вопрос автор. Она описывает ряд орнаментальных мотивов, встречающихся в вырезках, столярных и плотничих изделиях, где заимствования не

подлежат сомнению — автор подчеркивает, что контакты между обществами евреев и поляков имели место в разных плоскостях и областях.

Подборка материалов УЧАСТИЕ ЕВРЕЙСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ В КУЛЬТУРЕ ДЕРЕВНИ происходит из Архива Центра документации народного искусства при Институте искусства Польской Академии Наук в Кракове. Исследования, которые велись в 1952—1986 годах (в восточной части Польши), касались вообще ремесла для потребностей деревни — значительная часть материалов, связанных с европейским ремеслом, указывает на его существенную роль в снабжении деревни. Материал подготовлены Евой Фрыць-Петешек.

Богдана Пилиховская — КРАКОВСКИЕ ИГРУШКИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ ЕВРЕЕВ

Деревянные игрушки-фигурки евреев продавались во время трех краковских храмовых праздников: на Эмаусе в Пасхальный понедельник, на Ренкавке в первых вторник после Пасхи и на Скалке 8 мая, в день св. Станислава. Наиболее известным и чаще всего описываемым было празднество на Эмаусе, которое происходит у подножия костела св. Станислава и монастыря норбертанок уже по крайней мере четыре столетия. Согласно общему мнению этнографов это была — по крайней мере со второй половины XIX века — самая большая в Польше ярмарка игрушек. Мы не знаем, когда впервые там появились упомянутые выше фигурки евреев. Старейшая информация относится к 1874 году. Изготавливали их главным образом каменщики из Звежинца и Подгужа. Чаще всего эти фигурки были прикреплены к деревянным подставкам. Как правило изображали взрослых мужчин с различными аксессуарами — с текстами на древнееврейском языке в руках (в литературе их называют по-разному: молящимися, поющими или читающими евреями), с музыкальными инструментами, с птицей, сидящей на ладони или на сучке, с собакой, прикрепленной также к подставке. Все были одеты в традиционный еврейский костюм, цвет обозначался краской или матерью; из настоящего меха изготавлялась отделка и головные уборы. Фигурки можно было приводить в движение благодаря металлическим пружинкам, из которых были сделаны их ноги. Популярностью пользовались также фигурки евреев на подвижных качелях. После второй мировой войны исчезли с этих ярмарок. С 1977 года появляются на Эмаусе снова.

Мария Фидеркевич — ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕВРЕЯХ В ФОЛЬКЛОРЕ ЖИВЕЦКОГО БЕСКИДА

Автор рассматривает образ еврея в народных изображениях и представлениях на его тему, функционирующей в обрядовых группах „Дедов" и „Дворян" в Живецком Бескайде. Она прослеживает изменения в трактовке образа еврея, его роли (внешность, язык) — изменения, связанные с переменой стереотипа еврея в то время, когда ежедневные польско-еврейские контакты исчезли. В процессе исследований, проведенных в 1985 году, автору удалось реконструировать обряд двадцатых годов нашего столетия.

Мацей Крупа, — СКРИПАЧ НА КРЫШЕ ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЕВРЕЙ

Произведенное зондирование ставило перед собой цель сформировать представление о образе еврея у детей начальных школ. Были использованы два метода: изобразительный (просьба нарисовать), а также анкета (просьба описать еврея и привести источники информации о нем). Изобразительный материал свидетельствует о незначительной информации (причем в большинстве своем стереотипной) о евреях, на которую довольно значительное влияние оказал показанный в польском телевидении кинофильм „Скрипач на крыше".

